

Бай Муюнь выходил из здания, на ходу бросив через плечо:

— Что за сценарий?

— Называется «Рассвет и сумерки». История о полицейском из отдела по борьбе с наркотиками, который сам оказался втянут в зависимость. Его борьба, отчаяние, падение в бездну... Герой неоднозначный, «серый», есть где развернуться актерскому таланту. Написано действительно сильно.

— Звучит неплохо. Дай взгляну.

Хуа Ваньцин достала из сумки папку и протянула ему.

— Правда, режиссер — новичок. Команда совсем молодая. Они только что взяли «Золотой кипарис», но я всё равно переживаю, потянут ли они твой уровень.

Бай Муюнь замер, не дойдя до машины. Его внимание привлекла обложка. В графе «Режиссер» значилось: Лу Янь.

«И ведь хватило же дерзости», — пронеслось в голове.

Муюнь мгновенно помрачнел.

— Что-то не так? — встревожилась менеджер.

Он лишь качнул головой и, не проронив ни слова, сел в салон. Хуа Ваньцин вопросительно глянула на Цзи Бая, но тот лишь развел руками — сам, мол, не в курсе.

В машине воцарилась гнетущая тишина. От Бай Муюня исходила такая тяжелая аура, что воздух в салоне казался наэлектризованным. Цзи Бай, сидевший за рулем, то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, переводя взгляд с босса на Хуа Ваньцин.

— Да что с тобой такое? — не выдержала та.

Бай Муюнь протянул ей сценарий — обложка была уже изрядно измята его пальцами.

— Откажись. Я за это не возьмусь.

— С чего вдруг? Ты же даже не читал.

Муюнь промолчал, отвернувшись к окну.

— Это лучший материал, что попадал мне в руки за последние годы. Роль даст тебе колоссальный толчок, это совершенно новый типаж, ты такого еще не играл.

— Ты же сама только что ныла, что команда может не потянуть?

— Я навела справки об этом Лу Яне. Он чертовски талантлив. Бакалавриат и магистратуру окончил в Центральной академии драмы, а докторскую защитил в Берксе — в одной из лучших театральных академий мира. Блестящие успехи в учебе, ворох наград за короткометражки, его хвалили мэтры... — Хуа Ваньцин перевела дух. — Его дебют в полном метре сразу взял «Золотой кипарис». Это говорит о гениальности. Возможно, ваш дуэт создаст нечто запредельное. И вообще, я за команду переживала, а не за режиссера.

— Вау! Этот Лу Янь — настоящий крутяк! — присвистнул Цзи Бай.

Бай Муюнь слушал послужной список Лу Яня, и в груди заныло. Захотелось курить.

— Цзи Бай, сигареты есть?

— Ага, держи, — помощник протянул пачку.

Муюнь достал одну, потянулся за зажигалкой, но, поймав свирепый взгляд менеджера, тут же убрал сигарету обратно.

— Бай Муюнь, ты опять за свое?! Решил отлынивать от работы?

— Нет.

— Значит, дело в режиссере? Я же видела — тебя перекосило, едва ты прочел его имя. Вы враги?

Хуа Ваньцин буквально впиалась в него глазами, требуя объяснений.

— Ну, можно и так сказать, — вздохнул Муюнь. И, прежде чем она успела вставить слово, добавил: — Лу Янь — мой бывший парень. И я в этих отношениях был жертвой измены. И как ты себе представляешь нашу работу? Я же не сдержусь и начищу ему физиономию. Хочешь громких заголовков в прессе?

У Хуа Ваньцин отвисла челюсть. Она застыла, не в силах вымолвить ни слова.

Цзи Бай от неожиданности так резко ударил по тормозам, что машина клюнула носом.

Спустя несколько минут автомобиль всё же продолжил путь. Водитель наострил уши, надеясь выловить хоть крупницу подробностей.

Хуа Ваньцин, наконец, совладала с собой.

— И когда это у вас был... роман?

— В старшей школе.

— И кто об этом знал?

— Никто. Кроме той девицы, к которой он ушел.

— Девицы?! — Менеджер снова впала в ступор.

— Угу, — отозвался Муюнь. Он почувствовал неприятный укол в сердце.

— Ну и подонок... — выдохнула Хуа Ваньцин.

— Тварь редкая, — поддакнул с водительского сиденья Цзи Бай.

Впервые за десять с лишним лет Бай Муюнь произнес это вслух. Оказалось, не так уж и больно. Раньше одно упоминание о Лу Яне вызывало жгучую ненависть, но годы стерли острые углы. Ненависть поблекла, любовь — тем более, но горечь... Горечь осталась.

Она ощущалась как кусок мокрой ваты, прижатый к сердцу. Не дает дышать, не дает биться ровно. Друзья твердят, что время лечит, но прошло полжизни, а след, оставленный Лу Янем, всё еще саднит. Память — штука упрямая: пока помнишь, будешь чувствовать. Почему сердце не грифельная доска, с которой можно всё стереть обычной резинкой?

— Погоди, — вдруг спохватилась Хуа Ваньцин. — Мы работаем столько лет, почему ты ни разу не упоминал о своей ориентации?

— А был смысл?

— Был! Еще какой! Мне нужно готовить стратегию, продумывать кризисный пиар! Ты хоть

понимаешь, какая это бомба? Если случится слив и мы не будем готовы, твоей карьере конец!

— Ладно, — примирительно улыбнулся Муюнь. — Виноват, каюсь.

Хуа Ваньцин тяжело вздохнула:

— Придется вежливо отказать режиссеру Лу.

Она помолчала, листая что-то в телефоне.

— Кстати, ты просил узнать насчет тех школ, на которые выделял деньги. Строительство закончено, всё вышло отлично. Я пришлю фотографии, посмотри.

Бай Муюнь открыл мессенджер. Добротные здания, счастливые лица детей на снимках... На душе стало чуть светлее.

— Здорово.

— Эх, знал бы кто... Наш Киноимператор Бай на публику занимается благотворительностью, а в тени делает в сто крат больше, и никто об этом не ведает! — проворчала менеджер. — Хотя бы раз разрешил об этом написать!

— Сестра Хуа, вы же знаете... Я делаю это от имени Мо. Какая уж тут реклама.

— Да скажи ты просто, что ты и есть этот Господин Мо! Ума не приложу, почему ты скрываешь. Имя великого писателя и золотого сценариста вознесло бы твой имидж до небес!

Для Хуа Ваньцин это была старая мозоль. В самом начале их сотрудничества она случайно узнала, что блистательный актер Бай Муюнь и есть тот самый загадочный, невероятно популярный автор-затворник Мо. Тогда ей, женщине за тридцать, стоило огромных усилий не завизжать от восторга — ей в руки попало не просто сокровище, а божественный дар. Но Муюнь отрезал: тайна Мо должна остаться тайной. Без обсуждений и объяснений.

Она ждала, что он и сейчас промолчит, но Муюнь негромко произнес:

— Они не поймут. Стоит раскрыться, и начнутся насмешки. Станут копаться в моих текстах, ставить под сомнение мой интеллект, искать изъяны в сюжетах... — Он повернулся к ней, и в его янтарных глазах отразилась усталость. — В их глазах актер — это просто «лицедей» без образования. Они не верят, что человек нашей профессии способен создать нечто глубокое.

— Но тебе же всегда было плевать на чужое мнение?

— Верно. На то, что говорят обо мне — плевать. Но я не хочу, чтобы это касалось моих читателей.

Хуа Ваньцин замолчала. Эта волевая, жесткая женщина, «акула» шоу-бизнеса, рядом с Муюнем порой чувствовала себя ученицей перед мудрым наставником.

Машина замерла у дома актера. Хуа Ваньцин проводила его взглядом и уже хотела велеть Цзи Баю ехать в офис, как увидела, что тот стоит, привалившись к дверце, и в прострации курит.

— Ты чего застыл?

— Сестра Хуа... Вы сейчас серьезно? Юнь-гэ — это тот самый Мо? Великий Мо?!

— Ну да. А ты не знал? — спросила она так обыденно, будто речь шла о погоде.

— А я должен был?! Мне разве можно такое знать?!

— Ой, — спохватилась она. — Кажется, забыла тебе сказать.

Цзи Бай стряхнул пепел и печально проговорил:

— Три года прошло. Наконец-то вспомнила...

Едва Муюнь вошел в квартиру, зазвонил телефон. Снимая пиджак, он глянул на экран и непроизвольно нахмурился.

— Да? Что случилось?

Собеседник на том конце долго что-то втолковывал. Муюнь опустился на диван, вытянув длинные ноги, и слушал с ледяным спокойствием. В какой-то момент его взгляд мгновенно похолодел. Он коротко, саркастично рассмеялся:

— Вы сами-то слышите, что несете? Когда я был маленьким, вы знать меня не хотели. А теперь, когда я чего-то добился, решили сделать из меня трамплин для своей дочурки?

— Вы же у нас Кинодива с двадцатилетним стажем. Ну так и тащите её сами, зачем вам я?

— Хватит. Мне не важно, что вы имели в виду. Я обращаюсь к вам на «вы» и называю матерью

лишь из вежливости к возрасту. Никаких сыновних чувств я к вам не испытываю.

— И очень надеюсь, что вы и дальше не будете афишировать наше родство. Как и делали все эти годы.

Он сбросил вызов и отшвырнул телефон. Откинулся на спинку дивана, тяжело выдохнув. «Что за день...»

Муюнь уставился в потолок. Мысли сами собой потекли в прошлое.

Когда-то его звали по-другому — Бай Муюнь, но иероглиф «Му» означал «обожать, стремиться». Отец — Бай, мать — Юнь. «Бай, любящий Юнь». Имя-символ их великой любви.

Сейчас это казалось верхом цинизма. Впрочем, и тогда было не лучше.

В детстве учителя вечно донимали его расспросами:

«Как зовут твою маму?» — Нельзя говорить.

«Кем она работает?» — Нельзя говорить.

«Где твои родители?» — Не знаю.

Один особо «чуткий» педагог как-то даже спросил: «Мальчик, а у тебя вообще есть родители?»

Учителя видели только бабушку, дворецкого, кучу няnek и охранников. Они догадывались, что ребенок из очень богатой семьи, но на этом всё. На самом деле Муюнь знал о родителях не больше их. С отцом он виделся раз в год, в лучшем случае — два. А мать... мать он видел только по телевизору. В те редкие моменты, когда они сталкивались в реальности, она смотрела на него как на чужого.

Бабушка вечно ругала их за безответственность. Ругала до тех пор, пока они не развелись. Видимо, развод планировался давно, просто ждали момента. После этого они и вовсе вычеркнули сына из жизни.

В седьмом классе должно было состояться родительское собрание. Опять начались расспросы.

В школьном дворе были бетонные клумбы, облицованные плиткой, на которых можно было сидеть. Муюнь, отделавшись от учителей, вышел на крыльцо и увидел Лу Яня. Тот сидел на парапете и уплетал мороженое.

Солнце садилось, заливая всё вокруг золотом, и Лу Янь в этом свете казался маленьким небожителем — утонченным, сияющим, будто отлитым из чистого золота.

Муюнь подкрался сзади, желая напугать его, но Лу Янь обернулся первым.

— Ой! — Муюнь картинно схватился за сердце. — Лу Янь, ты меня до смерти напугал! С тебя компенсация!

Лу Янь хихикнул и протянул ему подтаявшее мороженое:

— На, кусни. Будем считать, расплатился.

Муюнь по-хозяйски приобнял его за плечи и откусил сразу половину.

— Слушай, к тебе завтра на собрание кто-нибудь придет?

Лу Янь криво усмехнулся:

— Не-а.

— И ко мне нет! — радостно воскликнул Муюнь. — Давай тогда завтра сбежим? Учителям всё равно плевать.

— И куда пойдем?

— Есть одно дело... Я давно хотел это проверить. Поможешь? — Муюнь заговорщицки оскалился.

— Что за дело?

— Хочу сменить имя. Не хочу больше быть «Любящим Юнь». Буду «Сумеречным облаком». Бай Муюнь!

Лу Янь удивленно захлопал ресницами:

— А в чем разница? Звучит-то одинаково.

— Слушай... — Муюнь взял руку друга и вывел пальцем на его ладони иероглиф «Му» — сумерки. — Помнишь ту строчку: «Дым преследует летящие сумерки»?

— В этой строчке «Муюнь» — это я. А ты — Лу Янь, «Дым».

— Раз я сменю имя, тебе придется всегда следовать за мной!

— Это еще почему?! — возмутился Лу Янь. — Может, это «Сумерки преследуют летящий дым»? Я протестую!

— Протест отклонен, так классики написали!

— Плевать на классиков! Слушай, что я, Лу Янь, говорю!

— Не-а, не выйдет! Теперь ты — мой младший братишка, а я буду тебя защищать!

Муюнь обхватил друга за шею и потащил за собой, не обращая внимания на шутливое сопротивление. Лу Янь тогда рос медленнее и был на полголовы ниже, так что его попытки вырваться легко пресекались.

Заходящее солнце тянуло их тени далеко-далеко по асфальту.

На следующий день они, прихватив домовую книгу, примчались в участок, но получили от ворот поворот: менять имя несовершеннолетним без опекунов запрещено. Позже Муюню пришлось долго умолять бабушку, пока та, наконец, не сдалась.

Он уже не помнил точную дату в документах. Но знал одно: с того самого разговора в школьном дворе он в своем сердце стал Бай Муюнем.

Сбросить с себя имя, бывшее памятником чужой «любви», было высшим счастьем.

Тогда же он перестал ждать любви от родителей.

<http://bllate.org/book/18159/1751765>